

Молодой Грифон

Какова природа невзгоды?

Когда я спрыгнул с вершины восточного горного хребта вместе с Солом, в муках моего вознесения в Софическое Царство, я испытал момент совершенной невесомости, свободы в самом прямом смысле этого слова. И потом, когда реальность напомнила о себе – как она всегда это делает, – мой желудок поднялся к горлу, что само по себе было головокружительным и возбуждающим ощущением. Всякий раз, когда я вспоминал об этом, на моем лице появлялась улыбка.

Когда Сократ бросил меня в солнце, дыхание вырвалось из меня, как будто само небо ударило меня в брюхо. Я бешено, бесконтрольно вращался, и мир стал для меня лишь вращающимся пятном из гор, городов и неба над головой. Затем, я достиг бури и погрузился в гневную корону Культа Бушующего Неба.

И я сразу же промок с ног до головы. Облака были ужасно холодными и пронизанные танцующими молниями, которые, словно хватающие руки, проникали сквозь влагу в воздухе. Я пытался взять под контроль моё падение, извиваясь и расправляя руки, и как только у меня начало это получаться я увидел лицо горы, устремившееся вперёд, чтобы поприветствовать меня.

[Заря сияет розовыми пальцами.]

Двадцать рук намеренья панкратиона вылетели вперёд, некоторые схватили меня, пока другие потянулись к выступающим гребням горы. Точно так же, как в детстве я помогал моим младшим кузенам учиться делать сальто в воздухе, подбрасывая их вверх и опуская обратно вниз уверенными руками, моё намерение панкратиона сделало то же самое со мной. Я сделал сальто, сбросил с себя весь импульс, какой только мог, подпрыгивая взад-вперёд между руками моего намерения, а затем ударился о гору, поджав плечи и перекатываясь, пока всё не остановилось.

Тяжело дыша и почти вибрируя от адреналина, я поднялся на корточки и оценил ситуацию.

Очевидно, я находился где-то внутри бессмертной бури, висевшей вокруг вершины Каукосо Монс. Как далеко я был наверху и как близко к сокрытой вершине, я не имел ни малейшего представления. Но я был уже достаточно далеко, чтобы заметить, с каким усилием я вдыхаю воздух. Дело было не только в том, что воздух был холодным. Он был ещё и разряженным, более разряженным, чем он когда-либо был на вершине восточного горного хребта дома. Сама гора здесь, казалось, ничем не отличалась от других, но, погрузившись в облака, я мог видеть только несколько футов перед собой, даже с учётом света зари в моих двадцати двух ладонях. Единственным способом оценить расстояние было наблюдение за...

Молния ударила рядом со мной, достаточно близко, чтобы наэлектризовать тонкие волоски на моих руках и заставить зубы гудеть во рту. Я перекатился вбок, наблюдая, как ещё одно раскалённое копьё ударило в камень, где я только что находился.

Я попытался проклясть старого философа, бросившего меня сюда, но вместо этого закашлял кровью.

Я откатился в сторону от очередной нити молнии, по ходу плюясь кровью.

Что ж. Это кажется подходящим.

Как оказалось, буря получила своё название вполне заслуженно.

— Скулящие Небеса, — прорычал я, чувствуя на языке вкус собственной крови. Камень в горах был скользким и коварным, и те пути, которые существовали, были ещё более коварными.

Я резко отклонился назад, молния пронеслась мимо моего лица и ударила в выступы камня. Но когда она прошла мимо, тонкие пальцы отделились и ухватили меня за кончик носа. Зубы сомкнулись, мышцы напряглись, когда молния прошла сквозь меня. Я судорожно выдохнул и едва сумел вернуть контроль над собой.

Но пути всё же были. И это наводило на мысль о чём-то, что я подозревал, но никогда не знал наверняка. Я помчался по тропе настолько быстро, насколько смел, низко приседая на ходу. Прыгать я пробовал только один раз, и это чуть не убило меня. Небо не было безопасным, даже на мгновение.

Сами Небеса были моим врагом.

Но вернёмся к тропам. Так уж повелось, что культы тайн свободного Средиземноморья любой ценой оберегали свои сбивающие с толку вопросы. Тайна культа была его основополагающим мифом, тезисом, на котором строился весь институт. Эти сокровища были скрыты от общественности, от посторонних и даже от самих посвящённых культа за исключением особо важных случаев. Не в силах мистика Розовой Зари было лицеизреть разрезанный труп павшего бога солнца, когда у него возникло на то желание.

Охранять труп, конечно, было достаточно просто. Ведь он был погребён в самом сердце огромного горного массива. Но не все культы были такими, как Розовая Заря. Не все тайны были погребены под толщами древних скал.

Так как же охранять тайну, не имеющую естественных преград? Как скрыть от глаз то, что лежит на виду? Под открытым небом? Каждый культ имел свои обряды посвящения, регламентированные уникальным набором правил и предписаний. Но цель этих обрядов всегда была одна и та же.

Конечно, я мог ошибаться. Тайна Бушующего Неба могла быть погребена где-то в глубине горы. Или она могла находиться где-то в другом месте, отдельно от Каукосо Монс. Или, может быть, в этом отношении Бушующее Небо было столь же уникально, как и во всех остальных. Возможно, никакой тайны вовсе и не было.

Но когда я увидел, как очередная молния, сорвавшись с разгневанного Неба, резко меняет своё направление и ударяет в поднятую руку съёжившегося каменного гиганта, я начал сомневаться.

Я проскользил по мокрому камню, пока не оказался под съёжившемся гигантом. Свет вспыхнул – раз, два, три, четыре раза. Буря неумолимо обрушивалась на статую давно мёртвого монстра, и я чувствовал её ярость.

Я долго сидел здесь, глядя вверх, пока Небеса били вниз, я был защищён от бури только потому, что находился в тени того, что они ненавидели гораздо больше меня.

— Порфирион, — прошептал я, обращаясь к памятнику дважды опозоренного Гиганта. — Посмотри на себя. Величайший из великих скитальцев, король тех, кто сотрясает землю. Не так ли тебя называли? Как ты можешь терпеть, что твоё подобие высечено столь непочтительной рукой? Почему я не слышу, как твоя душа воет от возмущения из самого Тартара? Они выставили тебя трусом.

Небеса кричали снова и снова наносили удары по обездоленному королю Гигантов.

Я посмотрел вниз горы. Я по-прежнему не мог видеть дальше, чем нескольких футов в любом направлении. Я никак не мог понять, как далеко я нахожусь от края бури. Я никак не мог знать, что Сократ делает с моим братом, пока меня нет рядом с ним. И Судьбы и Музы знают, что наши Героические спутники не будут с ним вместо меня.

Я снова посмотрел на бедного Порфириона. Пока он съёживался и поднимал к небу беспомощную руку, другая его рука бесполезно висела рядом с ним. В эту руку, оскорбление из оскорблений, создатель статуи вложил меч. Который никогда не будет использован правильно. Который никогда не будет пущен в ход. Который навсегда обречён лежать в нерешительности и страхе, пока его владелец дрожит под бурей.

Нет. Не навсегда.

Руки панкратиона схватили сжатый кулак Гиганта и, вспыхнув радужным светом зари, разжали его пальцы. Древний камень треснул и разлетелся на куски, и меч, длиннее моего роста, упал в мои ждущие руки. Я взвалил его на плечо, его острие было слишком тупым, чтобы порезать меня.

— Посмотрим, что скажут Небеса, когда проклятые нанесут им ответный удар, — яростно сказал я и выскочил из-под силуэта Гиганта.

Я почувствовал приближение молнии, вибрацию воздуха, которую я ощутил на языке. Я упёрся пятками в землю, остановившись так же резко, как и побежал, развернулся и вонзил клинок Гиганта в гору.

Я отпустил его и увидел, как молния, в последний момент, изменила свой курс и ударила не в меня, а в рукоять меча Гиганта. Я подождал на секунду дольше, чем нужно было, а затем выдернул меч из камня.

— И это всё? — Я провоцировал Судьбы, стуча кулаками панкратиона по земле, стоя во весь рост.

Затем раздался низкий раскатистый рык, похожий на гром, предшествующий молнии. Я повернул голову и увидел, что по тропе ко мне несётся гончая с телом, состоящим из чистого, шокирующего света.

— Сидеть, — приказал я гончей. Она залаяла в ответ, звук был похож на раскат грома.

Я развернулся и помчался вверх по горе.

Прошло время. Я знал это, потому что мои розовые ладони становились всё более тусклыми по мере того, как утро переходило в полдень. Или может быть, это мои внутренние солнечные часы саботировали меня. Подтвердить это, так или иначе, было невозможно. Буря была густой, гнетущей и совершенно неумолимой.

Я нашёл больше гончих.

Разница между добродетельным зверем и типичным животным была похожа на разницу между культиватором и смертным человеком, хотя и не совсем такая же. Звери не могли культивировать так же, как мыслящие люди, и поэтому то, что они делали, было не совсем равнозначно. Но это было достаточно близко. Если отбросить семантику, то это становилось вопросом величины и для человека, и для монстра.

Таков был общий консенсус. Это было то, чему меня научили мои наставники. Но Сол утверждал, что его демонические псы культивировали в стиле людей. И хотя поначалу я отмахнулся от его слов, теперь я уже не мог так легко отрицать то, что предстало перед моими глазами.

Гончие могут постичь примитивную добродетель, если у них есть время, возможность и первобытная сила воли. Но ни одна собака не могла схватить молнию в зубы. Ни одна гончая не могла сбросить с себя плоть и кровь и обменять их на бурю.

Гончие невзгоды преследовали меня на горе, и с появлением каждой из них я был вынужден сомневаться в том, что всегда считал истиной.

Я вонзил клинок короля Гигантов в гору и перекатился в сторону. Лай, подобный громовому раскату, был единственным предупреждением, которое я получил, прежде чем гончая прыгнула на меня. Вспыхнул свет, и клинок гиганта зазвенел, как колокол, а затем раздался вопль, пронёсшийся через воздух.

Они двигались скорее как молнии, из которых состояли, чем как собаки, чей облик они приняли. Они приседали и крались, это было правдой. Они щелкали челюстями и напрыгивали, как охотничьи псы. Но движение, которое должно было заполнить промежуток между приседанием и вонзанием трещащих зубов в добычу, происходило быстрее, чем успевал уследить глаз. В одно мгновение они были там, а в другое – здесь.

Прежде чем первая гончая нашла меня, меня уже трижды ударила молния. С тех пор я не позволял ничему прикасаться к себе. В своём добродетельном сердце я знал, что четвёртый удар будет моим приговором. Если кто-то из этих псов вцепится в меня зубами, я их уже не вытащу.

Заметив впереди ещё один маячивший силуэт, я освободил клинок гиганта руками из пневмы и бросился к нему.

Я также нашёл больше осуждённых.

Я прыгнул вперёд и перекатился под другую статую, когда Небеса ударили, моё сердце бешено забилося в груди, когда молния вонзилась в сгорбленные плечи страдающего каменного человека.

— Разве это не печально, Сизиф? — спросил я деградировавшего тирана. Он не ответил, так

как был слишком занят валуном, ставшим его вечным наказанием. И ещё, наверное, потому что он был сделан из камня.

Я схватил клинок, вонзённый в его каменную спину, и вырвал его, передав в руки панкратиона и пополнив свою растущую коллекцию. Семь украденных клинков и один палаш короля Гигантов стали моим оружием против бури. Периодически, когда молнии били, а у меня не было жалкой жертвы, в тени которой я мог укрыться, мои руки панкратиона поднимали свои клинки к небесам и рассеивались за мгновение до их удара.

Уклониться от клинков после того, как удар молнии раскидал их, было тем ещё испытанием, но я вполне мог с ним справиться. Во всяком случае, это было гораздо лучше, чем альтернатива.

— Крепись, — сказал я статуе Сизифа, похлопав его по плечу и щурясь вверх на гору. — Кажется, мы почти на вершине.

Громовые раскаты раздавались как внизу, так и справа от меня. Так что вверх мы идём.

Усталость начинала брать своё.

Культиватор мог обойтись без многих вещей. Сна, пищи, даже воды в самых крайних случаях. Гражданский культиватор при должной подготовке мог отказываться от этих вещей в течение дней. Философ – дольше, Герой – ещё дольше, пока в определённый момент смертный человек мог успеть родиться и умереть до того, как Тирану придётся прервать свой пост.

Но ни один культиватор не мог обойтись без воздуха. Даже лучшим из нас требовалось время, чтобы отдышаться. И как ни горько было это признавать, но я приближался к своему пределу. Красться по округе и отлавливать Ворон ночами – это одно. Вот это – совсем другое.

Я больше упал, чем проскользил под моё последнее убежище, опустившись на один локоть, едва не прикоснувшись к статуе и не разделив её невзгodu, когда в неё раз за разом ударяла молния. Двенадцать рук панкратиона вонзили свои украденные клинки в камень вокруг меня. Вдалеке слышались лающие раскаты грома. Всё ещё ближе, чем хотелось бы.

Отбивая их клинками, я оглушал гончих на достаточное время, чтобы разорвать дистанцию, но не более того. Я попробовал разрубить одну, метнув в неё клинок, как дротик, но всё, что я получил в ответ, – это повторение того, что происходило, когда я подбрасывал мечи в воздух, чтобы перехватить молнию. Единственное, что это произошло в десяти футах от меня. Больше я не стал пробовать.

— Это могло быть и хуже, полагаю, — задыхаясь, сказал я. Я сверкнул окровавленными зубами и посмотрел на своего невольного защитника. — Я мог бы быть тобой...

Я моргнул и наклонил голову.

Оракул Разбитого Прилива восседала на своём священном треножнике, и сиденье и прорицательница были вырезаны из самой горы. Вместо вен по её телу струился аметист, а трезубцы в глазах светились индиговым светом пророчества. В этом облике она была молода, черты её лица изменились настолько, что я не был уверен, была ли это просто более молодая версия той женщины, которую я встретил с Кайно, или же это была совсем другая Оракул.

В любом случае, она определённо была Оракулом Побережья. Если глаза не выдавали её, то её

компания – точно.

Более дюжины страдающих статуй стояли вокруг неё, вздрагивая, яростно и безуспешно тянувшись к солнечному свету. Эти были люди, которых я смутно узнал. Герои и Тираны, которых Оракул низвергла своими пророчествами на протяжении истории. Великие люди, низложенные бессердечным судом святой женщины. Они образовали вокруг неё своеобразную клетку: их тела служили стенами, а их вытянутые руки – своеобразной крышей над её головой. Перед моими глазами, на них обрушилась дюжина молний подряд. И каждый раз она омывала клетку из людей, рассеиваясь через их руки и тела, прежде чем даже искра успевала коснуться находящейся в ней женщины.

Статуя прорицательницы серьёзно смотрела на меня, как будто её создатель всегда знал, что я буду здесь, сейчас, смотря вверх в этот момент. Я слышал её смеющийся голос в моей голове, ясный как день, несмотря на бурю.

Вы, алые сыны, все одинаковы.

Я хмыкнул и поднялся на ноги, глядя вниз на аметистового оракула. С этого ракурса я мог разглядеть надпись на её короне из ракушек.

Мельпомена

— Я видел тебя раньше, — я отмахнулся от неё. — Покажи мне своих сестёр.

Молния сверкнула, расходясь в семь сторон. Я проследил путь каждой ветви, а затем с дикой улыбкой обратился к оракулу и её короне трагедий.

— Благодарю, — искренне сказал я, и усталость, конечно, становилась хуже, потому что я был готов поклясться на смертном одре, что видел, как статуя подмигнула мне.

Я находил Оракулов одного за другим. Правда, не так как я изначально планировал конечно, но даже в такой буре есть свои плюсы.

Сначала я нашёл Оракула Фуксии с короной из поднявшейся пены и узрел толпу обезумевших женихов и презренных любовников, собравшихся вокруг неё в извращённом подобии клетки. Я посмотрел в её знойные глаза, не столь, впрочем, соблазнительные в каменном исполнении, и обратился к ней по имени, высеченному аметистом на её короне.

— Эрато, — поприветствовал я Оракула Фуксии. — Я пришёл в поисках твоей мудрости. Скажи мне, какова природа невзгоды?

Я моргнул и опустил каждый из мечей в моих руках, чтобы протереть глаза. Когда я снова посмотрел на неё, её улыбка больше не становилась шире. Она снова была просто камнем. Позади себя я услышал рычащие раскаты грома, предвещающие нападение, и бросился внутрь клетки из статуй Оракула.

Я наблюдал, как гончая невзгоды ударилась о клетку, и вместо того, чтобы отскочить, как это сделали все её собраты, когда я перехватывал их летящими клинками, она завопила и завывала, когда её разорвало на части множеством связанных конечностей, составлявших прутья клетки.

Я наблюдал, как гончая размазывается мучительно тонким слоем по клетке. Пока, наконец, она не рассеялась с оглушительным треском.

И пусть никто не скажет, что молодой Грифон был неблагодарным. Я склонил мою голову перед Оракулом с короной из морской пены и поцеловал её в лоб. Если её улыбка и расширилась, то я был слишком истощённым, чтобы размышлять об этом.

С большей целеустремлённостью я двинулся сквозь бурю, теперь больше в стороны, чем вверх или вниз. Гончие пополняли свою стаю новыми членами взамен той, которую я рассеял, но мне пока удавалось опережать их на несколько шагов. Следующей я нашёл оракула Нкри и провёл пальцами по её короне из оловянных звёзд.

— Урания, — обратился я к ней, — Что отличает свет невзгоды от мирских стихий?

Мой ответ пришёл сначала в виде молний, бездумно и неустанно бьющих над нашими головами, рассеиваясь через клетку из тех, кого она обесчестила своими пророчествами. Затем ответ последовал ещё дважды, когда гончие настигли меня. Однако на этот раз они не бросились вслепую в клетку, чтобы быть разорванными. Они вышагивали вокруг неё, пристально глядя на меня.

— Не тот ответ, который я бы предпочёл, — язвительно сказал я, щёлкнув по каменному носу Оловянного Оракула. Я знал, без тени сомнения, что этот нос никак не мог сморщиться в ответ. Это просто не имело смысла. Поэтому я отмахнулся от этого и, бросив в стаю все мои украденные клинки, рванул прочь от гончих.

— Если невзгода может различать, значит, она может и рассуждать, — предложил я Клио, другому Оракулу Побережья, с её короной из кованого железа. — И если она может рассуждать, значит ли это, что она может быть разумна? Значит ли это, что она может голодать?

Добрая Оракул властно посмотрела на меня, и я проследил за её каменной рукой, которая указывала совсем в другую сторону, нежели в ту, которую, как я помнил, она указывала когда я пришёл, и на стаю гончих, бредущую дальше по горе. Пока я смотрел, одна из дюжины гончих подняла к небу трещащую голову и завывала достаточно громко, чтобы у меня лопнули барабанные перепонки. С такого расстояния я едва мог различить искры, вспыхивающие в уголках её оскаленной пасти. Слюни текущие от голода.

Я поговорил с каждым из оракулов, всего с семью из них, и от каждой из них я почерпнул правду о невзгоде. Наконец, с нескрываемым нетерпением, я перетащил своё избитое тело и восемнадцать украденных клинков – плюс меч короля Гигантов – через хребет, отмеченный ветвистой молнией. Я посмотрел на Алого Оракула.

Нет, это было не совсем правдой.

Я посмотрел на то, что осталось от Алого Оракула.

Это была резня, вырезанная из камня. Когда-то здесь была Оракул, сидящий на треножнике, и каменная клетка из всех великих мужчин и женщин, которых она низвергла своими божественными заповедями. Теперь все они были разбиты и разбросаны. И миазмы из сожжённых камней и индигового тумана теперь занимали их место, в застеклённом кратере того, что когда-то было памятником святого возмездия.

Сломанные, разбросанные конечности так и остались лежать, не тронутые штормовыми ветрами, каким-то образом так же незыблемы, как и статуи, которыми они когда-то были. Я посмотрел в глаза отрубленной головы Оракула, сломанной в трёх местах, и собрал её имя из кусочков разбитой солнечной короны.

— Каллиопа, — хрипло прошептал я, опускаясь на колени рядом с тем, что осталось от неё в кратере. Я спросил её, — Кто сделал это с тобой?

Моя тень положила свою мерцающую руку мне на плечи. Вóрон справа склонился над моим плечом и прошептал мне на ухо ответ.

— Я, твой отец.

И вложил в мою руку двадцатый клинок.

Гончие окружили меня. Их было уже больше дюжины, и каждая из них была достаточно высокой в холке, чтобы смотреть Мирону в глаза. Они ходили вокруг меня в этой своей странной манере, сгибая конечности из молний, словно собираясь двинуться, а затем внезапно появляясь в нескольких шагах впереди, не более чем мерцающие вспышки света.

В конце концов, это было неизбежно, что они загонят меня в угол. В конце концов, ни один человек не мог избежать невзгоды.

Ни один человек не мог избежать справедливости.

— Скажи мне кое-что, кузен, — попросил меня Николас, то ли в воспоминаниях, то ли просто вне поля моего зрения. Я не мог точно сказать, что именно. Моя голова слишком сильно раскалывалась. Моё тело слишком сильно болело, чтобы сказать наверняка. — Какова первая добродетель?

— Справедливость, — прошептал я, потому что это было то, что я был рождён чтобы сказать.

Каждая окружившая меня гончая невзгоды разом зарычала и набросилась на меня, и весь мир превратился в ослепительный свет и грохочущий гром. Ещё до того как они двинулись, и, как следствие, едва вовремя, мои руки панкратиона вогнали пятнадцать клинков, снятых с бессмертных жертв Бушующего Неба, в камень вокруг меня, а оставшиеся пять были подняты горизонтально над моей головой.

Более дюжины гончих ударили в мою железную клетку одновременно, и их агонизирующий вой расколол землю.

— И что такое справедливость? — спросил Николас. Я почувствовал, как его рука зарылась в мои волосы и взъерошила их, но моя шея была слишком жёсткой, чтобы я мог повернуть голову и проверить, было ли это воспоминание или что-то происходящее здесь и сейчас. — И не надо повторять мне ответ дяди Дэймона. Я хочу узнать, что ты думаешь.

До этого момента, и каждый предыдущий раз, я делал всё возможное, чтобы не прикасаться к

моим украденным клинкам в те моменты, когда они проводили молнию невзгоды. В конце концов, в чём был смысл использовать их против молний, если я всё равно разделил их участь.

Но тогда у меня ещё была надежда избежать прямого столкновения. Тогда я ещё мог представить себе мир, в котором я выйду из этого любым путём, кроме прямого.

И это было до того, как я получил мои ответы.

— Справедливость – это хватающая рука, — провозгласил я и потянулся двадцатью руками пневмы, чтобы схватить рукояти моей клетки из мечей, пока молнии текли сквозь неё.

Свет и жар, подобных которым я никогда не испытывал, пронзили мою душу. Я сравнивал повреждения, которые я получал в прошлом, блокируя атаки моими руками панкреатона, с реальными травмами, но они всегда были скорее метафорическими, чем материальными. В этот раз однако, меня согнуло пополам, и вырвало кровью на лицо горы. Она шипела, покидая мой рот.

— Справедливость, — выдавил я, — это удар в живот.

Я сосредоточился на дыхании, на жаре звёздного костного мозга Держателя-Поводьев, который проходил через моё обожжённое и разрушенное тело, восстанавливая то, что мог. Я лишь на долю секунды прикоснулся к истинной невзгоде, и это едва не убило меня.

Но только едва. И взамен я увидел это.

Ответ на мой последний вопрос.

— Справедливость – это два сжатых кулака в ответ на один, — сказал я, подняв руки и протирая лицо. Когда я опустил их, они были залиты кровью. — Запятнанные алым грехом.

— Мир не должен быть таким жестоким, кузен, — грустно сказал Николас. Я истерически рассмеялся, когда ещё дюжина гончих приблизились ко мне, окружая мою клетку. Терпеливо. Ненасытно.

— Может, и не должен, — согласился я. Ветер завывал. Гром сотрясал землю. Тяжёлый и холодный дождь смывал кровь почти так же быстро, как я успевал её терять. Но я был жив.

И я был свободен.

— Справедливость – это всё, до чего я могу дотянуться.

И я рванул вперёд, протянув руку сквозь клетку и схватив молнию. Моё зрение вспыхнуло белым светом, а кровь мгновенно закипела в жилах. Но это были лишь впечатления. Теоретические истины. То, что должно было произойти с человеком, который протянул и поймал молнию в руку.

Но теперь я знал.

— Узри, — торжествующе рыкнул я на сопротивляющуюся гончую. — Невзгода.

И я раздавил её череп в моём кулаке.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3431638>